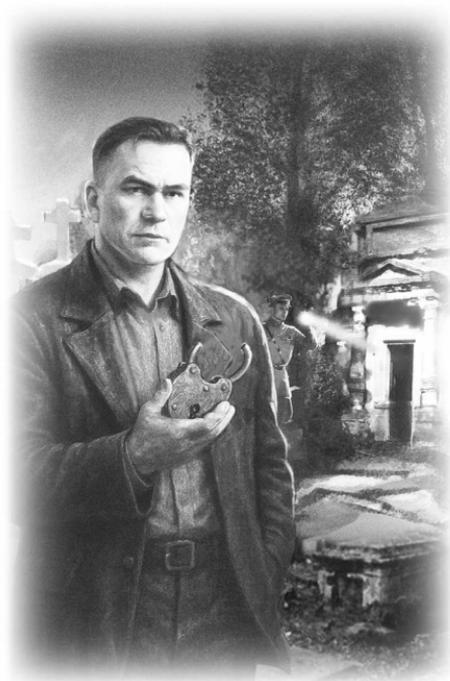

**ТРЕВОЖНАЯ
ВЕСНА 45-ГО**

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

**Вход
ТОЛЬКО ДЛЯ
МЕРТВЫХ**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Иллюстрация на обложке *Алексея Дурасова*

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Вход только для мертвых / Валерий Шарапов. —
Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-229836-3

1946 год. В склепе одного из тамбовских кладбищ обнаружен труп молодой женщины. Сыщикам удастся установить, что убитая — Ольга Филатова, работала в местном госпитале, была вдовой фронтовика и имела дочь трех лет, которая пропала после смерти матери. Под подозрение попадают: сожитель Филатовой, с которым она сошлась, оставшись без мужа, инвалид из госпиталя, а также местный дурачок, оказывавший женщине знаки внимания. Сыщики отработывают одну версию за другой. Вскоре становится известно, что в реке найден труп другой убитой женщины, у которой тоже пропал ребенок. Неужели в городе завелся маньяк? Следствие уже готово согласиться с таким страшным выводом, когда молодой опер Илья Журавлев натывается на невероятную разгадку этих происшествий...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-229836-3

© Шарапов В., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

Это было древнее городское кладбище с кривыми старыми ветлами. В их кронах, в густом переплетении толстых ветвей, зловещими наростами топорщились черные гнезда. Там жили многочисленные стаи грачей, беспрестанно загаживающие серым пометом могилы, кресты, надгробия, склепы. Вечно галдящие, каркающие, они как будто накликали беду. Зрелище представлялось жутким даже в солнечный день, свет которого сюда не проникал.

Вокруг кладбища некогда был выкопан глубокий ров, со временем он осыпался, зарос бурьяном и крапивой в человеческий рост. Проезжая дорога, с цветущими по обочине и посередине просвирником¹ и пасушьей сумкой, проходила так близко, что свисавшие через ров сучья деревьев касались голов и плеч прохожих. В сумерках привычные предметы имеют свойства менять свои очертания и становиться зловещими. Было похоже на то, будто кто-то невидимый пытается

¹ Просвирник (мальва) — род одно-, двух- и многолетних растений семейства Мальвовые. Название связано со сходством плодов с церковным хлебцем (просфорой).

схватить одинокого путника и утянуть вглубь, где в сырых кущах пребывают лишь тленный дух и безмолвные могилы.

Мимо этого жуткого кладбища и пришлось сейчас идти старшему лейтенанту уголовного розыска Илье Журавлеву. В район старого кладбища его отправил Клим Орлов — его непосредственный начальник. Обойти же кладбище не представлялось возможным: справа сразу начинался глубокий овраг, в котором цвела застоявшаяся вода, росли осока и камыши. Уже на подходе к страшному месту в воздухе ощущалось что-то нехорошее, и ноги сами убыстряли шаг.

Журавлев, конечно, много чего успел повидать на фронте. Но тут обстоятельства были иные, мистические, и ему слегка было не по себе, хотя по-настоящему в такую чепуху, как загробная жизнь, он не верил. И не потому, что был комсомольцем, а в силу своей профессии оперативного сотрудника УГРО по Тамбовской области и по личному опыту знал, что мрачные кущи запущенного кладбища являются самым подходящим местом для преступлений, особенно связанных с жестокими убийствами.

Только он так подумал, как внезапно кусты сирени слева раздвинулись и оттуда выскочил белобрысый мальчишка лет девяти-десяти. Увидев человека в милицейской форме, он понесся ему навстречу с такой прытью, что его линиялая, выцветшая до белесого цвета, некогда голубая рубаха на спине надулась пузырем.

Мелькая босыми, в цыпках, грязными ногами, ступни которых трогательно выглядывали из-под коротких замызганных штанишек, пацан бежал по зарослям низкорослой жгучей крапивы, не обращая внимания на ожоги.

— Дя-а-аденька ми-лиции-и-ионер! — еще издали закричал он, широко разевая рот с двумя отсутствовавшими передними зубами, тараша округлившиеся от испуга глаза. — Там тетя валяется... мертвая!

С разбегу влетев в Журавлева, мальчишка остановился, дыша часто и отрывисто. Снизу вверх заглядывая в суровое лицо милиционера, попеременно почесывая загорелые остреканные голени то одной стопой, то другой, он принялся торопливо рассказывать, глотая от волнения слова, тыча указательным пальцем с обгрызенным ногтем в сторону кладбища:

— Мы, дяденька милиционер, с Кольчей играли в казаков-разбойников возле склепа одного буржуя... Тетикова. А потом я побежал прятаться... в этот самый склеп. Пролез через дырку внутрь, а там... ноги торчат из-под веток. Синюшные такие, холодные... как ледышка. Бр-р-р... Я скорее назад вылезать. Лезу, а сам думаю, вот сейчас этот упокойник схватит меня самого за ногу... Ох и натерпелся я страху. Но вы не думайте, я все равно успел заметить, что эти ноги... тетеньки. Там еще шапка такая... бабья валялась... и волосы длинные торчали... Я Кольче как сказал про мертвую бабу, так он сразу в церковь побежал от страха. Должно быть,

молиться, — презрительно усмехнулся мальчишка и с пренебрежением сплюнул. — Он трус еще тот. — Присутствие рядом милиционера с пистолетом, очевидно, придавало мальчишке уверенности. — Пойдемте, я вам покажу место, где эта мертвая тетенька лежит. — Пацан цепко ухватил Журавлева за руку, потянул за собой на кладбище.

Накануне на станции на вагон с сахаром было совершено разбойное нападение. Опломбированный вагон следовал в Ленинград, временно находился на запасном пути, дожидаясь ночного отправления. Охранявший его сторож был оглушен фомкой, которой обычно орудуют опытные воры. Ее обнаружили неподалеку от места преступления сами железнодорожники, проезжавшие мимо на дрезине для ремонта путей на ближнем полустанке. Они-то нечаянно и спугнули расхитителей социалистической собственности. Судя же по тому, что обошлось без выстрелов, налетчики, скорее всего, были не ярыми уркаганами, а местными жителями, из разряда мелкой шпаны. В спешке бросив два мешка с сахаром, они в панике скрылись в ночи. Правда, один из налетчиков, которого успел ухватить за рукав бывший кузнец, а ныне мастер-путеец товарищ Курдюмов, неробкого характера мужчина, порезал ему финкой руку, чтобы вырваться.

Сейчас путейцы находились в мастерской, расположенной в полутора километрах от кладбища. Вот к ним-то Журавлев и направлялся уточнить у постра-

давшего железнодорожника кое-какие вопросы, связанные с ночным налетом. В связи же с открывшимися новыми обстоятельствами — обнаруженным трупом неизвестной женщины — теперь приходилось задание майора Орлова временно отодвинуть на второй план.

— Может, нам лучше все же пройти через вход? — заколебался Илья, с неудовольствием оглядывая раскинувшиеся перед ними непроходимые зеленые джунгли. — Еще напорешься на что-нибудь... босиком-то.

— Мы привычные, — солидно отозвался его провожающий, вытер ладошкой под носом и первый решительно полез в чащу глухой крапивы и сухой полыни, бесстрашно раздвигая перед собой упругие толстые стебли. — Здесь неподалеку. А то пока обойдем... Чего время-то зря терять.

— Тебя звать-то как? — спросил Илья, с трудом пробираясь следом за отчаянной мальчишкой через какие-то высокие, в пояс, исходящие желтыми, не иначе как ядовитыми соками травы, густо переплетенные между собой, вдобавок колючие и липкие, как репейник.

— Савка, — не оборачиваясь, ответил мальчишка, отклоняя от лица очередную ветку.

— Савелий, значит.

— Савелий. Только меня так никто не называет. Савка да Савка. А Савелием я буду, когда вырасту. Может даже стать и Савелием Трофимычем... по папке. Он у меня еще на фронте... Но обещал скоро приехать. У него знаете сколько наград? Я на фотке видел...

— Геройский, выходит, у тебя отец?

— А то, — с гордостью отозвался Савелий по отчеству Трофимыч. — Ле-о-отчик.

Под сводами было сумрачно и сыро, пахло тленом, гнилой древесиной. В раскидистых кронах суетились черные грачи, вниз падали кора, сухие ветки, белые с темными прожилками птичьих испражнения. То и дело натываясь на спрятанные среди зарослей надгробия и низкие ограды, двое осторожно продвигались по кладбищу. Всюду торчали покосившиеся кресты, полуразрушенные кирпичные изваяния в виде высоких островерхих четырехгранных столбов. К ним были прикреплены медные окислившиеся таблички, на которых надписи о похороненном под надгробиями человеке были исполнены замысловатой старинной вязью.

На кладбище Савка ориентировался довольно хорошо, было видно, что здесь он бывал не один раз.

— Савелий, живешь-то где? В городе или...

— В Покрово-Пригородном... — ответил мальчишка и неожиданно остановился против серого надгробия, спрятавшегося под низко свисавшими ветками ракиты. Кивнув на мутного вида медальон с ликом молодой женщины, который из-за давности лет разглядеть было не так-то просто, сдержанно сказал, невольно приглушая голос: — Тут Розалия похоронена... Бабка Ивения говорит, что она будто бы цыганкой была... И дуже красивой. Вроде бы она сбежала из табора и поженилась с русским... А он ей потом изменил с какой-то...

вертихвосткой. Дюже он этим ее обидел, она и отравилась самым сильным ядом, который бывает на свете. Говорят, что теперь в полнолуние она выходит из могилы и убивает всех женщин, которые ей встретятся. Может, она и кокнула ту тетку? — спросил мальчишка, обернувшись, и мотнул головой куда-то вглубь темного кладбища, откуда веяло холодом и невыносимой печалью, невольно навевая мысли о скоротечности жизни. — Как думаете?

— Враки все это, — убежденно ответил Журавлев. — Пережитки...

— Ну, не знаю, — пожал костлявыми плечами Савка. — Может, и в самом деле брехня это... Мы как-то хотели с Кольчой в полнолуние прийти сюда и проследить за ней... Да что-то боязно... Ну ее к лешему, а вдруг правда.

— Бояться надо живых, а не мертвых, — поучительно сказал Журавлев. — А то, что вы не пошли ночью на кладбище, правильно сделали. Ну, так где, говоришь, тот склеп? — напомнил он.

— Тут неподалеку. — Мальчишка деловито высморкался, поочередно зажимая ноздри большими пальцами, по-хозяйски распорядился: — Пошли.

Пройдя пару десятков шагов по едва приметной песчаной узкой тропинке, которая замысловато виляла среди густой травы, пробравшись через заросли молоденькой ольхи, невероятно разросшейся в низине, они вышли на вытянутую полянку между деревьями. Ко-

гда-то это была широкая аллея, а теперь тут росли лопухи, папоротники, какие-то высокие травы со стреловидными листьями, которые любят произрастать на заболоченных местах. Удивительного в этом ничего не было, потому что здесь земля была перенасыщена влагой, мягким войлоком стелилась под ногами, хлестала по голенищам милицейских сапог, мочила непросыхающей росой невзрачные штанишки Савелия.

— Вот мы и пришли, — неожиданно перешел на шепот провожатый. — Вон он склеп... буржуя Тетикова.

Склеп выглядел как квадратное приземистое сооружение из серого камня, покрытого зеленым, с проплешинами мхом. Вход в вечное упокоение купца первой гильдии буржуя Тетикова состоял из двух створок железных дверей, завершавшихся вверху аркой. На кованом пробое висел огромный ржавый замок, очевидно не отмыкавшийся со дня свершения Октябрьской социалистической революции.

Кто-то из ближних родственников покойника успел своевременно сбежать за границу, другие погибли в сражении с красноармейцами, защищая свои несметные богатства, заработанные на эксплуатации трудового народа. Вот и не осталось людей, кто бы мог навестить этого купчика.

— Дыра там... сзади, — подсказал все тем же шепотом Сава и, звучно сглотив, настороженно оглянулся по сторонам.

Журавлев решительно вошел в настежь распахнутую калитку в вычурном чугунном ограждении, которая тоже проржавела и не закрывалась. Мягко ступая по сизому влажному мху и густо устилавшей его перепревшей коричневой хвое, прошел на другую сторону. На уровне земли там зияло отверстие, образовавшееся вследствие того, что камни разошлись и нижняя часть стены за долгие годы глубоко ушла в грунт, а верхняя часть осталась на месте. Дыра была овальной, размером с небольшую тыкву, в которую взрослый человек пролезть при всем своем желании не мог, но достаточно просторная для того, чтобы в нее легко проник подросток вроде Савелия.

Илья стал на колени, снял фуражку и, тщательно пригладив волосы, просунул голову внутрь. Из темноты пахло ледяной затхлостью и давно слежавшейся сырой землей. Продолжая глядываться в дегтярную тьму, Журавлев на ощупь вынул из кармана галифе трофейную зажигалку Zippo, звучно щелкнул металлическим колпачком.

Слабый огонек фитиля осветил колеблющимся желтым пятном крошечное пространство мрачного sklepa, и он неожиданно увидел прямо перед своим носом зачерствелую пятку воскового цвета. Подвернутая неловко вторая нога, обутая в белую туфлю, виднелась из-под хвороста немного в стороне. Судя по бесстыдно раскинутым ногам, можно было с уверенностью предположить, что перед тем, как убить свою жертву, преступник жестоко ее изнасиловал.

— Твою ж Лексевну, — вполголоса выругался Журавлев, выбираясь назад.

Савка стоял за его спиной и расширенными глазами выжидающе смотрел на милиционера. В темно-синих его зрачках читались одновременно страх и неприкрытое любопытство.

— Ну, брат, ты, к сожалению, прав оказался, мертвая тетенька, — надевая фуражку, нехотя молвил Илья, про себя соображая: догадался ли парнишка о том, что здесь на самом деле произошло или нет?

— Убили?

— В этом следствие, думаю, разберется. Чего заранее гадать-то. Ты вот чего, ты беги домой, а мне еще побыть здесь надо. Спасибо тебе, Савелий, за бдительность, за то, что своевременно сообщил в милицию о своей... находке. — Журавлев по-дружески с необыкновенной теплотой, осторожно пожал мальчишке его непромытую ладошку своей широкой шершавой пятерней. — Только ты пока про это никому не говори. Договорились?

— И Кольче не говорить?

— И Кольче. Скажи, что ты пошутил, чтобы его поугагать. Ну, давай беги. Да впредь на кладбище со своим другом не играйте. Не надо, нехорошо это... Обещаешь?

— Обещаю, — заверил Савелий, но, как Журавлеву показалось, не очень-то и охотно, как будто его приневолили. Мальчишка сломал ветку, очистил ее от

листьев и убежал, мелькая грязными пятками, лихо размахивая прутом, словно саблей.

Илья беглым взглядом окинул прилегающий к дыре заросший участок в ограде. Следов волочения тела и других каких-либо признаков, явно указывающих на то, что здесь побывал преступник или его жертва, не было. Но главным аргументом того, что все же побывали, для опытного оперативника стал труп незнакомой женщины, которая, судя по ее стопам небольшого размера, имела рост хоть и ниже среднего, все же в злополучное отверстие протиснуться никак не могла.

Тогда он зашел спереди, где находился вход в склеп. Присев на корточки, принялся внимательно разглядывать мощенный камнями подход к дверям. На позеленевших от времени выпуклых камнях в одном месте он заметил подсохшую грязь, оставленную обувью неизвестного человека. По смазанному отпечатку подошвы даже примерно определить, кому принадлежала обувь, было невозможно. Это мог быть мужчина как рослого, так и субтильного вида. Вот если бы отпечаток сохранил более отчетливую форму, то размер обуви многое сказал бы о человеке, его оставившем.

По-гусиному неловко передвигаясь на корточках, осторожно раздвигая лопухи, крапиву, папоротники и другие дикие травы, которые в изобилии произрастали почему-то именно в этом месте, Журавлев все же пытался обнаружить хоть какую-то зацепку, даже самую незначительную, которая дала бы следствию возмож-